

Илья
Виницкий

Краснавица и чудовище

Галина Серебрякова и советская русификация
марксизма 1960-х

Памяти Фридриха Энгельса

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколение,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас.

Александр Пушкин. *Евгений Онегин*.

Sein Beispiel ist den Andern eine Lehre – aber (nein!)
bei Gott, welche Langeweile, bei Kranken zu sitzen Tag
und Nacht, ohne Rückzug und keinen Schritt fort!¹

Фридрих Энгельс. *Из перевода первой строфы
«Евгения Онегина»*

В середине 1980-х в нашей «английской» школе, продвинутой в самых разных отношениях, появился предмет «Этика и психология семейной жизни», который вела какая-то чужая учительница (кажется, литературы) с горящим взглядом и многолетним советским опытом. Помню, что в качестве свидетельств образцовых взаимоотношений в семье и правильного воспитания ребенка она читала нам на уроках напечатанные в хрестоматии к этому курсу Ивана Гребенникова и Луизы Кованько отрывки из воспоминаний зятя Марк-

1 «Его пример – другим наука, / Но, боже мой, какая...» и так далее.

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

са – Поля Лафарга – о круге Карла и его жены Женни, синонимичные «житийным» историям о детстве Ульянова-Ленина, который сам детей не имел:

«Маркс был нежным, кротким, снисходительным отцом. “Дети должны воспитывать своих родителей”, – бывало говорил он. Не было и тени отцовской власти в его отношениях к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, он их просил как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И тем не менее редкому отцу удавалось добиться большего послушания.

[...] Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоял членом их семьи: дочери Маркса называли его своим вторым отцом, он был *alter ego* Маркса»².

Читала учительница вслух и лирически-морализаторские отрывки из переписки супругов и постоянно указывала на то, как важны семейные идеалы Маркса и его сподвижника для советских юношей и девушек – думающих, по чьему примеру строить свою жизнь. В соответствии с методичкой она также восторженно отмечала, что основоположники научного коммунизма обожали русский язык и предвидели высокую миссию российской культуры.

Надо признать, что привыкших к позднесоветскому циническому и веселому двоемыслию школьников (стена в комнате моего одноклассника-комсомольца была увешана выписками из собрания сочинений Ленина вроде «Мы с Надей начали купаться и наладились на летний режим» и тому подобного) семейная идиллия и языковые предпочтения Марксов не впечатляли. Мы были, наверное, большими материалистами и диалектиками, чем наша учительница, а главное, читали тогда из-под полы на английском языке разные эротические (и даже хуже) буржуазные книжки, которым во избежание проблем с родителями делали суперобложки из твердой бумаги с фиктивными названиями (упомянутый одноклассник перестарался, надписав на такой обложке «Чукотско-ненецкий разговорник», чем заинтересовал своего любопытного, но настроенного воинственно патриархально родителя).

Это воспоминание прорезалось в памяти в связи с нынешними попытками российских властей возродить уроки нравственных ценностей – на этот раз не марксистских, а традиционных. Впрочем, говорить здесь о современном консервативном морализме мы не будем – нас интересует, каким образом и

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ

КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Илья Виноцкий – филолог, профессор Принстонского университета (США), круг научных интересов: литература XVIII и XIX веков, история эмоций, интеллектуальная и духовная история XIX века.

Автор выражает благодарность Марку Альтшуллеру, Илье Кукулину, Александру Самойлову и Россену Джагалову за консультации.

2 Гребенников И., Кованько Л. *Хрестоматия по этике и психологии семейной жизни*. М.: Просвещение, 1986.

в каком историко-идеологическом контексте складывалась в поздне-советском читательском сознании (той самой нашей учительницы) легенда об идилической семье Маркса (и примкнувшего к ней презиравшего узы брака Энгельса)³ и какое значение она имела для формовки (используя термин Евгения Добренко) советского русскоязычного читателя/читательницы.

Несколько слов о структуре этой работы, объединяющей, так сказать, «мысль семейную» с «вопросами языкознания». Отправной точкой нашего расследования будет забавный русский неологизм Энгельса, канонизированный в популярной в 1960–1980-е книге глубоко идейной женской писательницы, открывшей советскому читателю окно в семейную жизнь основоположников научного материализма, где она рассматривалась в контексте революционной истории Европы второй половины XIX века. В первой – лингво-педагогической – части работы мы рассмотрим идеологические истоки и коннотации советского мифа об энгельсовском культе русского языка, а также противоречащую этому мифу историко-материалистическую интерпретацию политическим философом характера и любовных приключений его незадачливого русского учителя, в которых он видел воплощение славянского мещанства и варварства. Во второй – литературно-политической – мы обратимся к генезису и прагматике выведенного в романе типа прекрасной русской героини-революционерки, находящей смысл жизни в учении и семейной жизни Карла Маркса.

Пролог

Идеальная «тургеневская» девушка Лиза Мосолова – героиня исторической трилогии «Прометей»⁴ советской писательницы Галины Серебряковой (1905–1980)⁵ – приходит накануне «Христмас» (Рождества) 1858 года в гости к Женни Маркс на Графтон-террас Мэйтленд-парк в Лондоне. Ее обступают очаровательные дочери вождя мирового пролетариата, причем одна из них, Лаура, «неотрывно рассматривавшая гостью», неожиданно обращается к ней по-русски, «четко выговаривая слова»:

- 3 В западной научно-биографической литературе семейным отношениям Маркса и Женни посвящены несколько книг, включая: GABRIEL M. *Love and Capital. Karl and Jenny Marx and the Birth of a Revolution*. New York; Boston; London: Little, Brown and Co., 2011; AMBROSI M. *Jenny Marx – eine bedeutende Frau*. Trier: Weyand, 2018; ИДЕМ. *Helena Demuth. Die treue Seele im Hause Marx und Engels*. Trier: Weyand, 2018. В 2017 году в Трире была организована выставка, посвященная семейству Маркса.
- 4 Название отсылает к прозвищу Маркса «Рейнский Прометей».
- 5 В трилогию Серебряковой «Прометей» входят романы «Юность Маркса» (1933–1934), «Похищение огня» (1961) и «Вершины жизни» (1962).

«– Вы красавица.

Лиза широко раскрыла глаза, услышав слегка искаженное лишней буквой «н» лестное русское слово, обращенное к ней тоненькой очаровательной девочкой.

– Красавица не я, а вы, Лаура, – ответила она по-русски.

– Я знаю только это одно слово на вашем языке – красавица, Бьюти. Дядя Энгельс научил меня. Он хорошо говорит по-русски и переводил как-то мне и КвиКви, – она указала на старшую сестру, – стихи Пушкина»⁶.

У этого маленького диалога, напоминающего дореволюционные слащаво-сентиментальные разговоры в детской, есть строгая фактологическая основа (в частности, воспоминания Элеанор Маркс-Авелинг, где приводились семейные прозвища дочерей⁷), не только помогающая понять, как сочинительница исторического романа работала с источниками, но и как трансформируется в литературный текст определенный политический заказ, отражающий советский постулат об основоположниках марксизма как образцовых семьянинах и восторженных русофилах.

Контекстуализация приведенной выше идиллической сцены в семействе Маркса поможет нам разобраться также в биографическом мифотворчестве Серебряковой – харизматичной коммунистической феминистки, хозяйки «наркомовского» литературного салона в Москве и популярной писательницы, пропагандировавшей семейные ценности грозных в миру революционеров и сохранившей веру в марксистские идеалы, несмотря на выпавшие на ее долю страдания в СССР (ее отца и первого мужа, одного из лидеров левой оппозиции Леонида Серебрякова, расстреляли; второй муж – бывший нарком финансов Григорий Сокольников – был убит в тюрьме, а сама она провела почти двадцать лет в лагерях и на поселении, описанных в мемуарах «Смерч», напечатанных по-польски в 1967 году без разрешения автора⁸).

ИЛЬЯ ВИНЦКИЙ

КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

- 6 СЕРЕБРЯКОВА Г.И. *Собрание сочинений: В 6 т.* М., 1976–1977. Т. 3. С. 281. Здесь и далее курсив в цитатах наш, за исключением особо оговоренных случаев.
- 7 В семье Маркса, сообщает Серебрякова в последней части трилогии «Вершины жизни» (1962), «всех интересовали далекие страны, волнующие маловедомой, сложной древней культурой. Все, что печаталось об Индии и Китае, жадно прочитывалось не только Марксом, но и его женой и дочерьми. Прозвищем Женни-хен было Кви-Кви – император Китая, а Тусси – Кво-Кво, китайский принц» (Там же. Т. 4. С. 140). В день рождения Женнихен Маркс произносит тост в честь «нашего китайского императора Кви-Кви», за которым следует тост «за Международное Товарищество Рабочих» (Там же. С. 49). Заметим, что первым в русской литературе автором, изобразившим идиллическое семейство Карла и Женни, был Марк Алданов в романе «Истоки» (1948), посвященном корням русского политического терроризма.
- 8 Краткий очерк о роли Серебряковой в истории хрущевской оттепели см. в: Чупринин С. *Оттепель: действующие лица.* М., 2023. С. 819–822. Отметим также содержательную биографическую статью: Чупринина Ю. *Московская красавица: Галина Серебрякова* // Москвич. 2021. 8 сентября (<https://moskvichmag.ru/lyudi/moskovskaya-krasavitsa-galina-serebryakova/>).

Часть 1. Русский Пиндар

1

Советские идеологи и их «золотые перья» неоднократно подчеркивали, что Энгельс и Маркс восхищались русской культурой и даже изучили язык, на котором потом будет разговаривать Ленин. Последний в статье 1896 года, посвященной памяти Энгельса, провозглашал: «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами»⁹. «Весьма любопытно, – писал в 1937 году литературовед Ян Эйдук, – что Энгельс и Маркс проявили большой интерес к русскому языку и русской литературе еще тогда, когда русская литература на Западе почти что не была известна»¹⁰. Исследователь обратил внимание на сохранившиеся в архиве Энгельса тетради с упражнениями по русскому языку, включавшими выписки из произведений русских классиков, прежде всего пушкинского романа в стихах¹¹, «экономическую» строфу из первой главы которого о «простом продукте» основоположники научного коммунизма несколько раз цитировали в своих работах¹².

Преклонение Маркса и Энгельса перед русской культурой становится важным пропагандистским мотивом в период борьбы с космополитизмом. Лев Гольман писал в майском номере журнала «Смена» за 1949 год:

«В глазах Маркса и Энгельса Пушкин был олицетворением необычайной одаренности русской нации. Основатели марксизма всю свою жизнь верили в творческие силы и глубокие революционные возможности народа, который за несколько десятилетий выдвинул из своей среды Пушкина, Гоголя, Чернышевского, Добролюбова и целую плеяду других гениев. Они смотрели на Россию как на страну, которой принадлежит крупнейшая роль в мировой истории и предстоит великое будущее»¹³.

Русский язык (истолкованный Сталиным в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) как язык общенациональный, по сути дела, канонизированный Пушкиным) представал в советской интерпретации того времени своего рода лингвис-

9 Ленин В. И. *Фридрих Энгельс* [1896]. Цит. по: <http://libelli.ru/works/2-4.htm>.

10 Эйдук Я. Ю. *Маркс – Энгельс о Пушкине и русской литературе* // Вестник АН СССР. 1937. № 2–3. С. 62–64.

11 Там же. С. 64.

12 См.: Аникин А. В. *Первая глава «Евгения Онегина» в произведениях и высказываниях Маркса и Энгельса* // *Пушкин: исследования и материалы*. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 324–334.

13 Гольман Л. *Маркс и Энгельс о великом поэте* // Смена. 1949. № 10. С. 10.

тической реализацией (энтелехией) марксистского наследия, которую якобы предвидели сами основатели учения¹⁴.

В начале 1950-х подробный анализ лингвистических упражнений Энгельса предложил в пространной работе академик Михаил Алексеев, датировавший их началом 1850-х, когда тот брал уроки русского языка у эксцентричного эмигранта русского происхождения с одической фамилией Пиндар (по имени Эдуард, он же Дмитрий)¹⁵ и ультраромантическим поведением. После отъезда странного учителя в Париж Энгельс, согласно Алексееву, продолжил занятия русским языком и самостоятельно сумел перевести слово в слово почти всю первую главу «Евгения Онегина», вступление к «Медному всаднику» и монолог о французике из «Горя от ума» Грибоедова¹⁶.

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Русский язык предстал в советской интерпретации своего рода лингвистической реализацией марксистского наследия, которую якобы предвидели сами основатели учения.

Между тем слова «краснавица» в учебных тетрадях Энгельса не было, с Пушкиным в наследии философа оно никак не связано и упоминается им лишь однажды – в письме к Марксу от 17 сентября 1852 года, опубликованном в 28-м томе советского издания 1962 года (впервые по-русски это письмо было напечатано в 21-м томе издания 1929 года). Осторожный Алексеев объяснил появление этого неправильного слова непрофессионализмом учителя Энгельса – Эдуарда Пиндара:

- 14** В действительности интерес основателей научного коммунизма к русскому языку был чисто практический, тесно связанный с их политической деятельностью, расширением Интернационала и конкретными моментами идеологической борьбы с политическими конкурентами вроде Бакунина. «Множество странных явлений, происходивших в русском движении, – писал Энгельс, – объясняется тем, что долгое время всякое русское сочинение было для Запада книгою за семью печатями и что поэтому Бакунину и иже с ним легко было скрыть от Запада свои проделки, давно уже известные среди русских [...] Теперь этому наступил конец. Знание русского языка – языка, который всемерно заслуживает изучения как сам по себе, ибо это один из самых сильных и самых богатых живых языков, так и ради раскрываемой им литературы, – теперь уж не такая редкость, по крайней мере среди немецких социал-демократов» (*К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве*. М., 1957. Т. 1. С. 531; см. также: *Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951). Перефразируя слова Тургенева, сказанные о Некрасове, поэзия в приведенном выше признании Энгельса и не ночевала.
- 15** Алексеев М.П. *Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику» // Пушкин: исследования и материалы. Труды третьей Всесоюзной Пушкинской конференции*. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. Алексеев не согласился с мнением Франца Шиллера, высказанном в его книге «Энгельс как литературный критик» (М., 1933. С. 195), что фамилия «Пиндар» является псевдонимом неизвестного лица, и предположил, что это могла быть фамилия матери учителя Энгельса («a very respectable old English lady» в письме). Он также указал, что петербургские Пиндары находились в родственных связях с другой английской купеческой семьей того времени – Бишопами.
- 16** Там же. С. 26.

«Памятником этих занятий является лишь одно русское слово, в русском, но ошибочном написании (“краснавица” вместо “красавица”), мелькнувшее в одном из писем Энгельса к Марксу того же времени. Не такой “ментор” нужен был Энгельсу, с жадностью и глубокой заинтересованностью отдававшемуся изучению нового для него русского языка»¹⁷.

Не вызывает сомнений, что именно из письма от 17 сентября 1852 года и взяла это слово «дяди Энгельса» Серебрякова, отнеся его к вымышленной героине Лизе Мосоловой, о которой речь пойдет ниже, и реальной красавице Лауре Маркс (1845–1911)¹⁸ – будущей жене верного последователя Маркса и тоже красавца Поля Лафарга (1842–1911), с которым она собирала архив отца, в 1930-е приобретенный Институтом Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). (Заметим, что писательница могла видеть оригинал письма Энгельса в этом архиве или в музейной экспозиции.)

2

Приведем выдержку из упомянутого письма, характеризующую не только уровень владения русским языком Энгельса, но и его специфическое чувство юмора, и особый взгляд на любовные отношения в капиталистическом обществе:

«С Пиндаром здесь приключился роман. Недавно я прихожу к нему домой – не знаю, писал ли я тебе об этом – и встречаю там его мать, очень почтенную старую английскую леди, и молодую даму, совершенно не похожую на англичанку, которую я поэтому принял за русскую. В прошлую пятницу я спросил Пиндара, кто эта *krasnávitza* (красавица) – его жена или сестра? “Ни то ни другое”, – ответил он. В понедельник его мать приходит ко мне домой: ее любимый Эдуард уехал, исчез»¹⁹.

Оказалось, что Пиндар в Петербурге влюбился то ли в шведку, то ли в финку, бежал с ней после смерти своего отца и женился на ней в Англии – «это и есть вышеупомянутая *krasnávitza*».

«[В Лондоне Пиндар] познакомился с одной француженкой, по утверждению старухи (которая, конечно, очень плохо о ней отзывалась), бывшей парижской проституткой и любовницей какого-то английского сочинителя комедий по имени Тейлор. Пиндар дает ей

17 Там же. С. 12–13.

18 «Лаура Лафарг, по общему мнению, была красивейшей из дочерей Маркса, [...] – писала Серебрякова. – “Красавица”, – говорили прохожие, заглядываясь на тоненькую женщину чуть выше среднего роста, всегда изящно одетую. А Париж знает толк в красоте» (СЕРЕБРЯКОВА Г. И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 593).

19 Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения: В 39 т.* М.: Издательство политической литературы, 1955–1977. Т. 28. С. 104. Далее, за исключением оговоренных случаев, в тексте указывается том и страница этого издания.

ей уроки, и тихий кандидат вступает с ней в любовную связь. Его жена узнает об этой истории (старуха между тем приехала из Кронштадта, привезла деньги и примирилась с шведкой) и, чтобы удалить П[индара] от француженки, вся семья переезжает в Ливерпуль. Но он выписывает лоретку и туда, и шведка, обладающая, очевидно, большим терпением и настойчивостью, опять узнает об этом»²⁰.

Семейство Пиндаров переселяется в Манчестер, где мать ловеласа, живущая «на остатки нажитого торговлей лесом и фарфором и промотанного ею состояния Пиндара старшего», покупает два дома²¹. Но влюбленный учитель выписывает свою француженку и в этот город. «Три раза наверняка она была здесь, – сообщает Энгельс, – я знаю это потому, что он тогда очень аккуратно занимал у меня деньги, а затем так же аккуратно возвращал их». Наконец, желая положить конец этой истории, Пиндар удирает с ней, по словам его матери, в Австралию, но, вероятнее – как кажется автору письма, – «либо в Нью-Йорк, либо просто в Париж»²².

Добрый Энгельс, отвергавший буржуазный брак и живший с гражданскими женами (партнершами) – сестрами Мэри и (после ее смерти) Лиззи Бернс, работницами хлопкопрядильной фабрики «Ermen & Engels», частично принадлежавшей его семье, – входит в положение незадачливого влюбленного, помогает ему материально и, как блестящий исторический аналитик, дает убедительный прогноз развития этого романа без стихов:

«Бедняга терпит и будет всю жизнь терпеть ужасные последствия своей глупой ранней женитьбы на шведском идеале – вот что всегда тяготило его. При несколько большем опыте и ловкости он – со своими 100 ф. ст. – мог бы очень хорошо содержать здесь француженку, но откуда взять опыт парню, который в 21 год влюбился в шведку, бежал с ней и, как обыватель, вступил с ней в законный брак! Если бы только этот болван рассказал мне эту историю, то было бы очень нетрудно уладить дело. Но впутаться за границу во вторую, более или менее продолжительную и во всяком случае серьезную историю с француженкой и бежать с ней – какая глупость!

20 Там же.

21 Отец Эдварда, как следует из письма Энгельса, торговал «лесом и бисквитами» и скончался до отъезда сына в Англию. Алексеев допустил возможность, что «он был русским и носил русскую фамилию, так как в письме от 4 октября 1852 года Энгельс называет Эдварда “славянином” и человеком, в характере которого сочетаются английские и русские черты». (АЛЕКСЕЕВ М.П. *Указ. соч.* С. 11–12). Как мы полагаем, отцом учителя Энгельса был кронштадтский купец 3-й гильдии обрусевший англичанин Дмитрий Иванович Пиндар (Kronstadtische Kaufmann 3ter Gilde Dmitrji Iwanow Pindar), торговавший железом и отвечавший за поставки сухарей для флота в 1834 году. В 1835-м он обанкротился, о чем сообщала немецкоязычная «Петербургская газета». Таким образом, себя учитель Энгельса мог представлять как «Эдвард Дмитрий» (то есть Эдуард Дмитриевич), что объясняет путаницу с именами. Сохранились сведения, что юный Эдвард был усыновлен эстляндским бароном – генералом фон Деллингсхаузенем (Baltische Schachblaeter. 1889. Vol. 4. S. 342; HINDLE O. *The Mystery of Edward Pindar. Chess Nomad.* Ostrava, 2005. P. 89). Богатая купеческая семья Пиндаров имела представительства в Англии и США, где молодой Пиндар провел несколько лет.

22 АЛЕКСЕЕВ М.П. *Указ. соч.* С. 11–12.

Она еще покажет ему, вот увидишь! В особенности, если он в самом деле поехал в Австралию. И к тому же его старуха очень добродушная и слабая особа, от которой он мог бы добиться всего чего угодно. Но, подобно тому, как Кинкель в обручении²³, так Пиндар в бегстве, очевидно, видит истинную сущность всякой любовной связи» (Т. 28. С. 105).

Наконец, Энгельс обнаруживает в романе Пиндара «совершенно буржуазный оборот», причем в истинно славянской (русской) аранжировке:

«Он – славянин до мозга костей, сентиментальный в своей фривольности и даже в непристойности, льстивый и высокомерный; от англичанина у него только крайняя молчаливость – как русский, он должен ее доводить до крайности» (Т. 28. С. 127).

Сердце Пиндара, констатирует Энгельс, принадлежит шведке, «но другой свой орган он хотел бы предоставить только француженке» (вспомним неизвестную философу непристойную шутку Пушкина о благочестивой жене и митрополите Фотии. – И.В.). В этой коллизии или «славянски-сентиментальном грубом противоречии» кроется для революционного философа «прелесть всей истории» о влюбленном русском Пиндаре, ничего не понимающем ни в практической жизни, ни в политике, ни в литературе:

«[У] этого субъекта, впрочем, отсутствует знание света и собственное мнение, что находится в комическом противоречии с духовными претензиями, свойственными ему как русскому. Он не понял ни “Манифеста”, ни Бальзака; это он мне довольно часто доказывал. Немецкого языка он определенно не знает, он не понимает самых простых вещей. Знает ли он французский язык, я также очень сомневаюсь. Если исчезнет таинственность, благодаря которой он казался интересным, то не останется ничего, кроме неудачника» (Т. 28. С. 128).

В то же время Пиндар в своих письмах наивно старается «поддерживать видимость давно разоблаченной таинственности», что выглядит смешно:

«Ты увидишь, через три месяца *Gospodin* Пиндар опять будет здесь и будет снова хорошим сыном, хорошим мужем, хорошим буржуа, более молчаливым, чем когда-либо, он будет по-прежнему прома-

23 Упоминание Готфрида Кинкеля (немецкого поэта и баденского революционера, бежавшего в Америку) является отголоском идеологической борьбы и финансовых разбирательств в революционном сообществе. В письме к Энгельсу от 30 марта 1852 года Маркс возмущается поведением Кинкеля, который якобы «заявлялся сводничеством и сосватал студия Шульца [еще одного участника баденского восстания. – И.В.] с сестрой г-жи Ронге [жены немецкого священника и участника революции. – И.В.], которая, говорят, богата» (Т. 28. С. 35). В ответном письме Энгельс сообщает другу, что Кинкель в Цинциннати «заявил в буржуазном кругу, что “Маркс и Энгельс не революционеры, а два негодяя, которые в Лондоне были выброшены рабочими из трактиров”» (Т. 28. С. 80).

тывать остаток материнского состояния, не делая ни малейшей попытки чем-нибудь заняться или что-нибудь изучать. И такой субъект бежал с бывалой парижанкой, – она еще заставит его плакать (4 октября 1852 года)» (Т. 28. С. 128).

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Можно сказать, что опытный циничный немецкий фабрикант-материалист из Манчестера относится к сумасбродному преподавателю-транжиру из России с гораздо большей иронией, чем английский денди Онегин к романтическому Ленскому, влюбившемуся в стереотипную романную красавицу. Житейская философия молодого Энгельса, переплетенная с политической сатирой, хорошо выражена в шутовском приглашении Марксу приехать покутить с ним в марте 1847 года в Париж:

«Здесь можно быть либо беспутным человеком, либо ментором; беспутным человеком среди беспутных забулдыг – а в этом нет ничего хорошего, когда у тебя нет денег – или же ментором Эв[ербек], Б[ернай]са и компании. [...] Если бы у меня было 5000 фр. ренты, я бы только работал и весело проводил время с женщинами, пока не наступил бы мой конец. Если бы не было француженок, то вообще не стоило бы жить. Но, пока есть на свете гризетки, это другое дело! При этом не мешает время от времени побеседовать о чем-либо стоящем или наслаждаться жизнью с некоторой изысканностью; но ни то ни другое невозможно с этим сбродом – моими знакомыми. Ты должен приехать сюда» (Т. 27. С. 80)²⁴.

Между тем реконструированный выше пиндаровский сюжет в письмах Энгельса не только пропитан политической злобой дня (сравнение романтического ментора с «рenegатом» Кинкелем), но и насквозь идеологичен. За циничной шутовской корреспондентом Маркса стоит декларируемое еще в «Манифесте Коммунистической партии» (1848) отношение к буржуазному браку как скрытой форме проституции:

«Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга. Буржуазный брак является в действительности общностью жен» (цитируем наизусть по памяти. – И. В.).

Беда беспутного ментора Пиндара в том, что он ничего не понял в «Манифесте»²⁵. И вообще – как сотканный из противоречий сентиментальный русский славянин – он ничего не

24 Август Людвиг Эвербек – глава парижских общин Союза справедливых, затем член Союза коммунистов. Карл Людвиг Бернайс – немецкий радикальный журналист, входивший в 1844 году в редакцию парижской газеты «Vorwärts!», издававшейся при участии Маркса.

25 Впоследствии свои взгляды на семейные отношения при капитализме Энгельс сформулировал в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1887): муж «в семье – буржуа, жена представляет пролетариат» (Т. 16. Ч. 1. С. 55).

понимает в научно-материалистическом изводе науке страсти нежной, ставшем жизненным принципом Энгельса.

3

Вернемся к слову *krasnávitza*, использованному Энгельсом в английской транслитерации и с «ученическим» указанием русского ударения. В письме оно относится к «идеальной» шведской (или финской) жене Пиндара, которую Энгельс вначале принял за русскую. Эту даму, названную в другом послании Марксу «гусыней», «мещанкой в высшей степени» и «ведьмочкой с рыбьей кровью», Пиндар меняет на парижскую проститутку (по словам его матери), бывшую любовницей «какого-то английского сочинителя комедий по имени Тейлор». Речь идет о любовнице известного адресату Энгельса популярного драматурга и сотрудника сатирического журнала «Punch» Тома Тейлора (1817–1880), славившегося переделками французских комедий в манере Скриба и относившегося к буржуазно-консервативному (в понимании автора письма) лагерю. Смешной Пиндар типологически включается автором письма в число комических персонажей этого викторианского сочинителя, представившего осенью того же года написанную им совместно с Чарльзом Ридом комедию «Masks and Faces», основанную, как говорили, на реальной амурной истории одного из соавторов. Герой пьесы, провинциальный джентльмен, бросает жену ради знаменитой столичной актрисы с крайне сомнительной репутацией. В буржуазном финале эта актриса жалеет супругу любовника и благородно возвращает его в семью²⁶.

Попутно заметим, что юмористически пересказанная Энгельсом история о «тихом кандидате» Пиндаре как страстном учителе, по всей видимости, представляет собой паттерн поведения этого странного и, как оказалось, весьма талантливого человека (с середины 1850-х Пиндар считался одним из лучших шахматистов Англии, выигрывавшим у самого Пола Морфи; его шахматной карьере посвящена небольшая монография²⁷). Много лет спустя Эдвард Пиндар окажется героем шумного скандала, широко освещавшегося в английской и американской прессе. В припадке страсти этот скромный пятидесятилетней «русский профессор иностранных языков» набросился с ножом на свою сорокалетнюю ученицу (по классу то ли французского, то ли русского языка), которая отвергла его предложение о браке

26 ELTIS S. *Women and Sex on Stage 1800–1930*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 93–94. Жанр буржуазной комедии был излюбленным объектом сатиры и историко-моралистического анализа писателей-социалистов второй половины XIX века (Герцен, Салтыков-Щедрин).

27 HINDLE O. *Op. cit.*

(или бегстве?). Он нанес ей несколько ранений, попытался вы-
давить глаз, поранил собственную руку и, придя в себя, явил-
ся в полицию с повинной. Пиндара приговорили к пяти годам
заключения. В тюрьме он пытался совершить самоубийство.
Впоследствии продолжил участвовать в шахматных турнирах
(и преподавать языки?), умер в 1892 году, возможно, в Ревеле.

Итак, как мы видели и как хорошо понимала Серебрякова,
очаровательное слово «краснавица», запомнившееся нежной
Лауре Маркс, было употреблено Энгельсом по отношению к ры-
бообразной скандинавской мещанке, похожей на русскую, от
которой русский учитель-буржуа, известный страстным отно-
шением к ученицам, сбежал с французской лореткой. *Naughty*
«Uncle Fred»!

Зачем же понадобилось Серебряковой вырванное из контек-
ста искаженное русское слово в романе о Марксе?²⁸ Какую
роль играет тема русского языка в частности и России в целом
в замысле этого амбициозного произведения? Наконец, какова
функция русской героини романа, посетившей милое немец-
кое семейство Марксов в английской столице?

Часть 2. Идеальная революционерка

1

«Русификация» семейства Маркса в романе Серебряковой свя-
зана не только с желанием дочка философа сказать компли-
мент гостю на ее родном языке, который знает «дядя Энгельс»,
читавший юным дочерям друга свой перевод первой главы
пушкинского романа, начинавшийся с образа дяди «самых
честных правил» (странный, надо сказать, выбор сочинения
для девочек). Русская тема, пробивающаяся наружу в приве-
денной сцене, вписывается в общий замысел романа, сформи-
ровавшийся в сложном контексте оттепели, когда образы соз-
дателей марксизма оказались в центре идеологической борьбы
в СССР и за его пределами. Одной из причин реанимации ин-
тереса к Марксу и Энгельсу, к их российским связям в стране
победившего социализма стала хрущевская десталинизация и
декларативное возвращение к гуманистическим основам ком-
мунистического учения в ожидании полной реализации мечты
прогрессивного человечества. (На XXII съезде КПСС в 1961 году
Никита Хрущев пообещал современному ему поколению совет-
ских людей жизнь при коммунизме.)

28 Заметим, что писательница немного подправила заимствованную из письма Энгельса цитату, заменив фран-
цузский перевод слова «краснавица» на английское «Бьюти», более соответствующее лексикону дочки
Маркса, живущей в Лондоне.

В 1950–1960-е одна за другой выходили документальные и беллетризованные книги о личной жизни основоположников научного коммунизма, инициированные политическим отделом ЦК и Институтом марксизма-ленинизма (приведем лишь несколько названий: «Воспоминания о Марксе и Энгельсе» [1956]; второе, дополненное, издание книги Елены Степановой «Фридрих Энгельс» [1956], «Рассказы о Марксе и Энгельсе» [Детгиз, 1956, 1960]; пьеса Дмитрия Щеглова «Набат» («Гражданин мира») [1956] и его сценарии к документальному фильму и радиопьесе [1958]; «Воспоминания о Марксе жены, дочери и внука» [1958]; «Женни Маркс» Луизы Дорнеман [1962], «Их простота и человечность. [Письма и документы К. Маркса и Ф. Энгельса и воспоминания о них]» в составлении Святослава Виноградова [1966]; «Семья Маркса в письмах» [1968]; «Ничего, кроме всей жизни. (Страницы жизни Карла Маркса и Фридриха Энгельса)» Владимира Бушина [1971]). В мае 1962 года в Москве открылся созданный по решению ЦК КПСС Музей Маркса и Энгельса, воссоздавший домашнюю обстановку семейства основоположника.

Одной из причин реанимации интереса к Марксу и Энгельсу, к их российским связям в стране победившего социализма стала хрущевская десталинизация и декларативное возвращение к гуманистическим основам коммунистического учения в ожидании полной реализации мечты прогрессивного человечества.

Наконец, апофеозом материализации теней Маркса и Энгельса в советском общественном воображении стал двухсерийный фильм Григория Рошала «Год как жизнь» (1965–1966) по сценарию Галины Серебряковой, основанный на ее романе «Похищение огня». Маркса в фильме играет рефлексирующий Игорь Кваша, Энгельса – жовиальный Андрей Миронов (ключевая реплика: «И вообще улыбка никогда не мешала Революции!»), напоминающий «заговорщика» Остапа Бендера в «Тайном союзе меча и орала» и как будто исповедующий жизненный принцип своего будущего героя из мультфильма о «голубом щенке»²⁹. Музыка к фильму написал Дмитрий Шостакович.

Всплеск интереса к коммунистическим демиургам в Советском Союзе был еще и реакцией на развернувшуюся критику

29 «Надо жить умеючи, / Надо жить играючи! / В общем, надо, братцы, жить / Припеваючи».

советского извода марксизма на Западе и Востоке. В 1953 году в Лондоне вышел сборник работ основоположников научного коммунизма под красноречивым названием «The Russian Menace to Europe». В 1960-м в Западной Германии напечатан сборник статей Маркса и Энгельса 1850-х с прямолинейным заголовком «Marx contra Rußland. Der russische Expansionsdrang und die Politik der Westmächte». В 1962-м эта книга вышла в английском переводе под названием «Marx vs Russia». Одновременно в маоистском Китае распространялись письма и статьи Маркса и Энгельса, представлявшие Россию (прошлую и *by extension* советскую) «тюрьмой народов» и колониальной державой. В антисоветской прессе разных идеологических трендов основоположники интерпретировались как идеологические русофобы, резко критиковавшие «варварский» народ на востоке Европы, намеренный захватить мир³⁰. В ответ советские пропагандисты обрушились на критиков слева и справа и провозгласили курс на изображение основоположников марксизма как больших ценителей России и русской культуры, внимательных читателей и даже переводчиков русских классиков, предсказывавших России великое революционное будущее.

В трилогии Серебряковой борьба за прорусский марксизм разворачивается на разных уровнях, в том числе лингвистическом. Писательница явно была знакома с упомянутой выше филолого-политической статьей Алексеева о том, как Энгельс пронзительно интерпретировал текст пушкинского романа в стихах. Так, согласно Алексееву, философ в своей записи, относящейся к шестому стиху «Посвящения» к роману, отметил три возможных немецких значения слова «мечта», использованного Пушкиным: «*Pfantasie* (фантазия), *Trug* (обман, призрак), *Einbildung* (воображение, представление)». «Легко видеть, – заключал Алексеев, – что ни одно из этих иностранных значений не могло передать пушкинское слово в указанном контексте»³¹. В итоге Энгельс выбрал единственно правильный с филологической точки зрения «обобщающий» перевод сложного места.

В романе Серебряковой Энгельс переводит на немецкий не «Посвящение», но романтическую (и политическую) строфу из второй главы о Ленском, привезшем из туманной Германии «вольнолюбивые мечты»: «Не поняв “мечты”, он взял словарь и стал отыскивать значение этого слова, чтобы затем выписать его в особую тетрадь». Процесс перевода представляется писательницей как научно-творческий. Ее герой хочет во всем

ИЛЬЯ ВИННИЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

30 Этому вопросу посвящена наша статья о державинской цитате в статьях Энгельса «Державный мем. Призрак Росса в политической историософии Фридриха Энгельса» (в печати).

31 АЛЕКСЕЕВ М. П. *Указ. соч.* С. 54.

дойти до самой сути – здесь сложного русского языка, красотой и богатством которого он восхищается:

«“Евгений Онегин” пленил его. Хотя он слышал немало о поразительном богатстве современной русской литературы, о гении Пушкина, но был еще больше поражен, когда смог черпать из самого родника, не нуждаясь отныне в нередко умерщвляющих оригинал переводах. “Как в гербарии растение не может дать подлинного представления о прелести и аромате живого цветка, так только в подлиннике можно насладиться поэзией и прозой незнакомого народа”, – думал Энгельс. С увлечением и редким прилежанием изучал он русский язык, откладывая грамматику для того, чтобы прочитать неповторимые строки пушкинского романа»³².

Интересно, что бы ему понравилось больше – если бы открылась возможность сравнения: играющий стилистическими оттенками и аллюзиями, самоиронический, веселый и печальный роман Пушкина или подобная серебряковской идеологически правильная, резонерски-серьезная и сентиментально-пафосная проза, представляющая исторический процесс нескончаемым беллетризированным конспектом из имен, событий, политических оценок и показательных цитат? *Wer zum Teufel weiß das, Gospodin (Herr) Engels?*

2

Профессиональная историческая романистка Серебрякова выхватывает из наследия Энгельса актуальные для ее замысла факты и складывает из них свой (санкционированный свыше) миф, полностью отсекая (так сказать, депиндаризируя) циническую шутку основоположника учения. Будучи возвышенно-сентиментальной писательницей³³, она не проходит мимо ми-

32 Этот фрагмент в несколько отредактированном виде Серебрякова включила в свою «китоговую» книгу о Марксе («первую научно-художественную биографию» основоположников научного коммунизма), напечатанную в серии «Жизнь замечательных людей» (М., 1966. С. 2. С. 396). В трилогии Серебрякова неизменно подчеркивает значимость русского языка и русской литературы не только для основоположников учения, но и для их домочадцев: «Жена Маркса настойчиво изучала в это время русскую литературу и даже писала о ней во “Франкфуртской газете”» (СЕРЕБЯКОВА Г.И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 408). Об этой стороне деятельности любимой героини писали, со ссылкой на Маркса, Полина Виноградская в книге «Женни Маркс (фон Вестфален)» (М.; Л.: Соцэкгиз, 1933. С. 184) и Луиза Дорнеман в книге «Женни Маркс» (М.: Госполитиздат, 1962. С. 103). Виноградская установила, что речь идет о статье Женни Маркс о лондонском театре, опубликованной в мае 1877 года во «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt», в которой упоминался роман Чернышевского «Что делать?», обойденный вниманием в напечатанном ранее очерке русской революционной литературы XIX века (Виноградская П.С. *Из литературного наследия Женни Маркс* // Новый мир. 1968. № 4. С. 226).

33 Приведем в пример образец слога, которым написана марксистка писательницы: «Широкая складка легла на неровном лбу Карла. Подбородок его дрожал. Женни знала этот симптом накапливающегося гнева» (СЕРЕБЯКОВА Г. *Карл Маркс*. М., 1962. С. 133). Тут не Мавр изображен (прозвище Маркса), а какой-то колдун из «Страшной мести» Гоголя.

лого окказионализма «краснавица», остряющего и незаметно идеологизирующего обычное русское слово (от «красная») и добавляющего какую-то интимную домашность изображению радушной семьи Маркса, соответствующую оттепельной политике гуманизации основоположников. Это слово (существующее в других славянских языках – например, в белорусском) сближает героиню романа Лизу с будущей Лаурой Лафарг и служит своего рода эстетическим маркером характерного для советской литературной мифологии эталонного образа жертвенной революционной девушки.

Наконец, слово «краснавица», связывающее вымышленную героиню с семейством Маркса, отсылает к личной истории Серебряковой – одной из революционных красавиц-валькирий, ставшей, по собственному признанию, членом партии в неполных пятнадцать лет³⁴ и участвовавшей в гражданской войне. Серебрякова вошла в советскую литературу книгой эссе о трагических судьбах «женщин эпохи Французской революции» (1929), была активной привилегированной деятельницей советской культурной жизни первой половины 1930-х, пережила «репрессии культа личности» и восприняла выпавшие на ее долю страдания («20-летние мытарства по тюрьмам, “психушкам”, карцерам, допросам, ссылкам»³⁵) как испытание веры в марксистскую революцию. Эта позиция Серебряковой, выраженная в самой радикальной форме в полемике с «отцом» оттепели Ильей Эренбургом и в публичных выступлениях с демонстрацией следов пыток на собственном теле, представляла для литературной общественности 1960-х какую-то болезненную загадку, а для партийных пропагандистов – настоящую политическую находку: именно так должна писать и выступать не сломленная в период культа личности красная дева революции.

Вообще образ Лизы Мосоловой и связанная с ней сюжетная линия (разочарование во фразере-эгоисте Бакуanine, завидующем Марксу³⁶, полное и безоговорочное принятие марксизма как спасительного и верного учения) является завуалированным *alter ego* автора в романе. Серебрякова – дочь фанатичных революционеров – сознательно вписывает себя в историческое повествование и пытается дать марксистский (в ее понимании) анализ собственных поступков. Показательно, что героиня ее

34 Она же. *Странствия по минувшим годам*. М.: Советский писатель, 1965. С. 170.

35 *Прямухинские чтения*. М.: Футурис, 2012. С. 83.

36 Антибакунинский пласт романа Серебряковой вызвал возмущение современников, написавших «Открытое письмо в защиту памяти М.А. Бакунина» (1963), в котором утверждалось, что Серебрякова пытается внушить отвращение читателя к революционеру даже «искаженным внешним портретом». Письмо завершалось просьбой «восстановить подлинный облик М. Бакунина как революционера, имя которого принадлежит истории» и «не допустить в готовящемся фильме трактовку М. Бакунина, сделанную Г. Серебряковой, ибо «у советского народа, у народов всего мира должно быть правильное, а не искаженное представление о выдающихся борцах за свободу» (*Прямухинские чтения*. С. 188).

трилогии, осознав ложь Бакунина (в характере которого угадываются черты Льва Троцкого и, кажется, его последователей – двух первых мужей писательницы Леонида Серебрякова и Григория Сокольникова), выходит замуж за польского профессионального революционера Сигизмунда Красоцкого – почти полного однофамильца деда писательницы, люблинского фабриканта Сигмунда Красуцкого. Этот дед лишил мать Серебряковой Брониславу наследства после того, как та сбежала с будущим отцом писательницы, еврейским революционером Бык-Бек, «который хотел осчастливить все человечество». Впрочем, Бык-Бек вскоре бросил нелюбимую жену, ставшую впоследствии сотрудницей разведуправления на Лубянке и «неистой советской патриоткой и коммунистом-ленинцем до последнего вздоха»³⁷. Знаменательно, что сама Серебрякова до первого брака носила фамилию Красуцкая. Каким образом дед-капиталист, сгоравший, как она потом вспоминала, «от ненасытной жажды все новых и новых плотских утех»³⁸, оказался связан в ее восприятии с несуществующим польским революционером, мы не знаем (возможно, что здесь произошла контаминация с образом отца писательницы, в прямом смысле слова отдавшего революции жизнь).

Через восприятие Лизы Масоловой-Красоцкой (подчеркнем «эстетический» корень в фамилии замужней героини) автор романа принимает вообразимое участие в главных революционных событиях пролетарского движения начиная с революции 1848 года до конца XIX века. Образ русской красавицы-революционерки Лизы был, несомненно, важен для его создательницы. Ключом к ее героической эстетике, как мы полагаем, является мемуарный очерк Серебряковой, посвященный Александре Коллонтай, который вошел в книгу новелл «Странствия по минувшим годам». Писательница признается, что ей не было еще 14 лет, когда она поместила Коллонтай «среди своих божков» после того, как увидела ее на одном из митингов в Киеве³⁹. «В моем воображении, – писала она, – Коллонтай представлялась то валькирией, то красной Жанной Д'Арк – отважной воительницей революции»⁴⁰. На встрече Коллонтай с комсомолками Серебрякова впервые в жизни услышала о героинях Французской революции, Коммуны «и многих других женщинах, имена которых вошли в историю борьбы человечества за свободу»⁴¹. Показательно, что мемуаристка особо выделяет в этой новелле физическую красоту истинной революционерки,

37 СЕРЕБРЯКОВА Г. И. *Странствия по минувшим годам*. С. 182.

38 Там же. С. 188.

39 Там же. С. 64.

40 Там же. С. 66.

41 Там же. С. 66–67.

думавшей не только о радикальной политической деятельности, но и «о красе ногтей»: «всегда в ее внешности было что-то праздничное, продуманно красивое»⁴².

Обратим внимание на то, что в одной из парижских сцен упомянутого выше фильма Рошаля, снятого по сценарию Серебряковой, появляется вымышленная русская красавица-революционерка Даша (актриса Ольга Гобзева), соответствующая Лизе в романе, – фанатичная сторонница анархиста Бакунина (актер Лев Золотухин). Даша патетически заявляет, что готова погибнуть на баррикадах, на что мудрый Маркс отвечает: ради чего? (илл. 1). Примечательно, что красавица-актриса Гобзева, игравшая в фильме фанатичную русскую революционерку, внешне напоминает молодую Серебрякову (илл. 2, 3).

ИЛЬЯ ВИНЦКИЙ

КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Илл. 1. «Нет, Маркс, вы не правы! Только баррикады и смерть, если надо, наполняют жизнь смыслом!»

Илл. 2. Галина Серебрякова, писательница-марксистка.

Илл. 3. Актриса Ольга Гобзева (с 1993 года монахиня).

В центре внимания автора трилогии о Марксе и его семье постоянно находится женский активизм прекрасной героини, символически ассоциирующейся в романе с образом француз-

42 Там же. С. 69.

ской Девы-освободительницы. Во время Коммуны Лиза участвует в открытии женских клубов и женских союзов; создает «наблюдательные комитеты», благотворительные общества помощи детям, старцам, больным, а также преследует «подозрительных граждан, тунеядцев и хулиганов»; ведет в качестве члена комитета «наступление на уличную проституцию и монахинь, которые, как саранча, расплозились по столице»⁴³, злобно агитировавших против Коммуны; редактирует статьи в газете «Коммуна» и оказывает медицинскую помощь раненым бойцам (сама Серебрякова получила медицинское образование). Своими двойниками Лизы здесь являются ее легендарные тезки-коммунарки, изображенные в романе: Елизавета Дмитриева (Томановская), одна из участниц русской секции I Коминтерна⁴⁴, и Луиза Мишель («бой-девка, ничего не боится»⁴⁵). Вообще в политизированной житейной эстетике исторических романов Серебряковой внешняя красота отважных революционерок является отражением их внутренней силы и гармонии. Так, особенным успехом у коммунаров, по словам писательницы, пользовалась песенка о девушках-бойцах:

Так изящны и столько в них склада,
Что любая годна для парада.
Это лучший во Франции полк,
Пусть возьмут это тьеровцы в толк.
Ну и храбры же наши девчонки!
Носят все, как одна, амазонки.
На версальцев, сплотясь в батальон,
Льют свинцовый горячий бульон⁴⁶.

Наконец, в роли жены революционера Лиза неизменно подражает верной Женни Маркс, представленной в романе как *mater familia* святого коммунистического семейства⁴⁷. Героиня самоотверженно поддерживает мужа, а после его смерти в бою выполняет завет похоронить его сердце на родине («Сердце Сигизмунда, как он завещал, Лиза сберегла в особом сосуде, чтобы закопать впоследствии в родной люблинской земле»⁴⁸). Еще раз подчеркнем, что деда Серебряковой звали Сигизмундом Красуцким и он был владельцем табачной фабрики в Люблине. Вероятно тут можно говорить о сознательном семейном

43 Она же. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 329.

44 В 1965 году под явным влиянием Серебряковой вышла повесть Петра Чередниченко «Дочь России. О Елизавете Дмитриевой-Томановской».

45 Там же. С. 220.

46 Там же. С. 250. Перевод взят из: Данилин Ю. *Поэты Парижской коммуны*. М., 1947. Т. 1. С. 258–259. Песня коммунара Клемана «Ну и девочки в баре Дюваль».

47 Серебрякова в целом воспроизводит житейный миф жены Маркса, созданный Полиной Виноградской в книге «Женни Маркс (фон Вестфален)».

48 СЕРЕБЯКОВА Г.И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 216.

мифотворчестве и своего рода панреволюционной экзальтации Серебряковой, включающей польскую тему («бунтарские строки Мицкевича»⁴⁹, судьбы польских революционеров, деятелей Интернационала и, конечно, рыцарей октябрьской революции вроде «железного» Феликса Дзержинского – начальника матери писательницы) в свою ностальгическую коммунистическую сюиту.

ИЛЬЯ ВИНЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

3

Серебрякова пишет о катастрофическом конце Коммуны, который увидела ее героиня:

«Нет в истории более величественных, трагических, кровавых страниц, нежели поражение революции. Тогда кровоточит душа народа, растаптывается его извечная мечта и стремление к добру, справедливости и счастью. [...] Если раньше она еще верила в гуманность господствующих классов в более развитых странах, то отныне поняла, как они страшны и бесчеловечны, когда мстят за свою собственность и привилегии. Они перестали быть людьми. В огне Коммуны Лиза сожгла все сомнения. *Она поняла и приняла головой и сердцем все, чему учил Маркс*»⁵⁰.

В одной из последующих сцен Лиза слушает чтение изможденным старцем Эженом Потье «Интернационала» (стихи даются в каноническом русском переводе Аркадия Коца) и пророчествует:

«Мне кажется, этому творению жить и жить. Множество поколений, как я, отныне будут носить его в сердце и повторять в минуты борьбы, радости и печали. Спасибо, дорогой друг, за этот дар человечеству».

При этих словах «сомневающийся в себе, как всякий истинный создатель», Эжен Потье привлекает «огрубевшими от труда, сморщенными руками голову Лизы» и благодарно целует ее в лоб⁵¹.

В финале сюжетной линии Лизы, пародирующем, как мы полагаем, последнюю встречу Онегина с Татьяной (и, возможно, сцену разрыва Натальи Ласунской с Рудиным, которого современники считали карикатурой на Бакунина), замужняя героиня окончательно порывает с идолом своей юности, назвавшим превращение истинно русской женщины в искреннюю «марксидку» чудовищным (любопытно, что писательни-

49 Она же. *Странствия по минувшим годам*. С. 182.

50 Там же. С. 307–308.

51 Там же. С. 310.

ца вкладывает в уста Бакунину феминитив слова, использовавшегося Александром Герценом⁵²), а саму Краснолицкую, изменившую его индивидуалистическим убеждениям, «мерзкой и подлой старухой»: «Так низко, как ты, не падала еще ни одна русская дворянка. Объединилась с немцами, предала великое доблестное славянское племя. Презренная».

Лиза оставляет Мишеля в минуту, злую для него, показав, что навек отдана Марксу, пролетарской революции и семейно-пролетарскому Интернационалу, который она ставит неизменно выше эгоистического бакунинского русского славянства. Между тем разрыв с прежним возлюбленным она переносит тяжело и умирает после сердечной болезни. Итоговым открытием героини является осознание ею жизненной правоты Женни Маркс (которая также умирает в конце романа), считавшей «неблагодарность по отношению к человечеству и природе» худшей чертой в человеке. Лиза принимает трагическую жизнь революционерки как награду:

«Жизнь – свет во тьме, и благо нам, узревшим его, – записывает она в дневнике. – Будем же благодарны за то, что имеем. Цветок или дерево, птица или бабочка наслаждаются бытием, отдают все, что имеют, и исчезают. Они ценят каплю влаги, луч света и тишину ночного неба. Человек – самое недовольное из всех существ на земле. А вместе с тем он получил от природы больше всех. Будем же признательны, недаром неблагодарность называют черной. Она звено в дьявольской цепи зла, такое же опасное, как зависть и лживость. Как много дурного было бы предотвращено, если бы люди изгоняли прочь неблагодарность”. [...]

[До последнего дня Лиза стремится] отплатить сторицей жизни за то, что познала ее всю: веселую и горестную, тусклую и яркую, сложную и простую, легкую и трудную – всегда многообразную, неожиданную, несущую в себе неисчерпаемый кладезь познания, мыслей и чувств, стремлений и свершений, а значит, и счастья⁵³.

Некрологическую благодарность самой героине в романе выражает спасенный ею от смерти старый пролетарский поэт Эжен Потье, узнавший о ее кончине от друга:

«– Как она умерла?

– Без всяких страданий, внезапно, каждый хотел бы такого конца. Две маленькие девочки, ученицы, сидели с ней рядом у рояля. Она играла, но вдруг музыка оборвалась, голова старушки коснулась клавишей. Мы похоронили ее без всякого ритуала, на кладбище для бедных, как она того хотела.

52 В «Былом и думах»: «От серной шайки [*Schwefelbande*], как сами немцы называют марксидов, естественно и недалеко перейти к последним подонкам, к мутной гуще, которая оседает от континентальных толчков и потрясений на британских берегах и пуще всего в Лондоне» (Герцен А. И. *Полное собрание сочинений: В 30 т.* М.: АН СССР, 1957. Т. 11. С. 150–160). Об антимарксистской позиции Герцена см. в: Дрыжак-ова Е. Н. *Герцен на Западе: в лабиринте надежд, славы и отречений.* СПб., 1999. С. 104.

53 СЕРЕБРЯКОВА Г. И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 422, 423.

– Это была праведная женщина. Иные пыжатыся и воображают всю жизнь, что многого стоят, а другой цены себе не знает, как это было с Красноцкой»⁵⁴.

ИЛЬЯ ВИНЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Принцип исторической благодарности, по всей видимости, является центральной этической категорией не только Серебряковой, но и всей ее революционной семьи. Так, исследовательница воспоминаний узников советских лагерей Нэнси Адлер приводит поразившие ее слова дочери писательницы Зори. Зоря негодовала по поводу взаимодействия между бывшими заключенными ГУЛАГа и советским государством, причем негодование «было направлено не на безразличное поведение представителей власти, а на неблагодарность вернувшихся»⁵⁵.

4

Прочитанная под этим углом зрения трилогия оказывается не столько романтически пропагандистской книгой о «живом» Марксе и революционном движении в Европе второй половины XIX века (великой эпохи, заветные мечты которой, согласно постановлению XXII съезда, приближались к полной реализации в современном СССР), сколько идейной автобиографией или соцреалистическим феминистским *Bildungsroman* славившейся своей красотой русской писательницы-марксистки.

Эта трилогия также может быть прочитана как имплицитный ответ красной девы революции, мечтавшей вписать себя в пантеон героических женщин прошлого, многочисленным критикам 1960–1970-х, считавшим ее своего рода фанатичной *femme fatal* или даже ведьмой (недоброжелатели писательницы использовали и менее романтические термины), оправдывавшей сталинские репрессии как испытания веры и обрушивавшейся, на радость партийным пропагандистам, на противников «жесткой линии». Например, ей приписываются такие слова на обсуждении в 1958 году романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»: «Я просидела в лагерях и ссылке 18 лет. Но, если будут появляться такие произведения, я согласна снова сесть в тюрьму, в лагерь, чтобы не дать затоптать достижения нашей революции»⁵⁶.

Публикация в Польше лагерной автобиографии Серебряковой «Смерч» вызвала бурную полемику среди узников лагерей. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» обратился к писательнице

54 Там же. С. 432.

55 ADLER N. *Keeping Faith with the Party Communist Believers Return from the Gulag*. Bloomington: Indiana University Press, 2012. P. XIII.

56 АУЗРОВСКАЯ Т. *Судьба романа «Не хлебом единым» // СССР, внутренние противоречия*. 1986. № 16. С. 236–237.

с издевательским вопросом: «Галина Иосифовна Серебрякова! [...] Отчего ваши герои, сидя в лагере, ничего не делают, нигде не работают, а только разговаривают о Ленине и Сталине?» – и намекнул на свидетельства о ее сотрудничестве с лагерным начальством⁵⁷. Варлам Шаламов в письме к Солженицыну включил ее в число лгунов и бездарностей, пишущих об опыте ГУЛАГа⁵⁸. В главе о Бутырской тюрьме в «Вишере» писатель признавался:

«Когда через двадцать лет я прочел стихи Ручьева и послушал речи Серебряковой о том, что их окружали в тюрьме только враги народа, а они, верные сыны партии Ручьев и Серебрякова, вытерпели все, веря в правду партии, – у меня опустились руки. Хуже, подлее такого растления не бывает. Вот здесь разница между порядочным человеком и подлецом» (1961)⁵⁹.

Прозу Серебряковой высмеял Венедикт Ерофеев, выбравший в качестве одного из двух «вполне пристойных дамских» эпиграфов к «Моей маленькой Лениниане» (1988) пародически отредактированную выписку из книги о Марксе и Энгельсе в серии «Жизнь замечательных людей»:

«Галина Серебрякова о ночах Карла Маркса и Женни фон Вестфален:

Окружив его заботой, Женни терпеливо писала под диктовку Карла. А Карл с сыновней доверчивостью отдавал ей свои мысли. Это были счастливые минуты полного единения. Случалось, до рассвета они работали вместе. Но только люди, жившие за стеной, жаловались на то, что у них ночами “не прекращаются разговоры и скрип ломких перьев”»⁶⁰.

В оригинальном тексте говорится не о людях за стеной, жаловавшихся на ночной шум в комнате Карла и Женни, а о «решительном окрике» верной домработницы и няни в семействе Маркса – Елене Демут (она же Ленхен). Причем последняя была, как Ерофеев скорее всего знал, матерью незаконнорожденного сына Маркса, Фридриха, которого признал своим ребенком и отдал кормилице всепонимающий неженатый Энгельс. Подозреваем, что сама Серебрякова очень осторожно намекает на

57 Солженицын А. И. *Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956*. Paris: YMCA-Press, 1974. Ч. 3-4. С. 414.

58 Шаламовский сборник. Выпуск 1. / Сост. В. В. Есипов. Вологда, 1994. С. 89.

59 Шаламов В. *Собрание сочинений: В 6 т.* М.: Терра, 2005. Т. 4. С. 285.

60 Ерофеев В. *Оставьте мою душу в покое (почти все)* / Сост. А. Костанян. М.: Х.Г.С. 1995. С. 167. Вот этот отрывок в жезеловской книге Серебряковой (1962), заимствованный из ее первого романа «Юность Маркса» (1934): «Иногда Женни писала под диктовку мужа или терпеливо разбирала черновые записи. Это были счастливые минуты полного единения. Женни, как мать, окружала его заботой; Карл с сыновней доверчивостью отдавал ей свои мысли. Случалось, до рассвета они работали вместе. Елена ворчала за стеной и, потеряв терпение, требовала, чтоб Женни позаботилась если не о себе, то хоть о будущем ребенке. Карл шутиливо хватался за голову, гнал жену в постель, гасил лампу, осуждал себя за невнимание, забывчивость. Но в следующую ночь повторялось то же, покуда решительный окрик Елены опять не прекращал разговоров и скрипа ломких перьев» (СЕРЕБЯКОВА Г. И. *Маркс и Энгельс*. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 164).

эту табуированную в советской коммунистической агиографии историю в лирическом описании последнего убежища Маркса и его близких в финале своего последнего романа о великом революционере «Предшествование» (1965):

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

«Через три дня раскрылась могила, в которой лежал прах Карла, Женни и их маленького внука. Раскрылась, чтобы принять еще один гроб, как того хотела жена Маркса. Тело Елены Демут погребли рядом с наиболее дорогими ей людьми.

На кладбище Хайгейт в сырой, унылый полдень собрались друзья и близкие усопшей. Пришел Лесснер. *Из Манчестера приехал сын Елены Демут, Фридрих, которого Тусси [Элеонора Маркс. – И. В.], считавшая Ленхен своей второй матерью, звала братом*»⁶¹.

Тема прекрасной домоправительницы Марксов Елены Демут («Лицо ее поражало свежестью, светлые глаза – чистотой. Такому румянцу и алым губам могла позавидовать любая парижанка»⁶²) детально разработана в трилогии Серебряковой. «Елена и Женни, – утверждала писательница, – горячо любили друг друга» и Карла Маркса (Т. 3. С. 320). В итоге все трое романтически соединились в хайгейтской могиле, подобно идеальной семье легендарного германского рыцаря, графа фон Глейхена, запечатленной на знаменитой в свое время могильной плите (она была воспроизведена на гравюре в книге Генриха Деринга «Der Graf von Gleichen. Romantische Volkssage», илл. 4)⁶³.

В сущности, семейный образ жизни Маркса был совершенно буржуазным и викториански камуфляжным, особенно на фоне семейных экспериментов радикалов предшествующей и современной им эпох (от Жорж Санд до Герцена и Огарева). Традиционность семейного уклада революционеров парадоксальным образом делала их образы привлекательными для советских консерваторов, пропагандировавших традиционные ценности в массах. В свою очередь «двойная жизнь» Маркса и Энгельса представляли и представляют определенную проблему. Она решалась (и решается) обычно тремя способами: замалчиванием

61 Она же. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 756–757. Слухи о незаконном ребенке Маркса ходили с конца XIX века. В 1962 году Вернер Блюменберг обнаружил письмо, подтверждающее этот факт биографии Маркса. См. обзор дискуссии о возможной сексуальной эксплуатации Марксом няни его детей Елены (Хелены) Демут и ее сводной сестры Марианны Кройц в: BALTES-LÖNNER C. *Powerful Women Around Karl Marx – Examined Using the Figure of the Continuum* // *Sociology Study*. 2011. Vol. 11. № 1. P. 22–28. Автор статьи считает, что обвинения Маркса справа и слева несправедливы, потому что к великому революционеру и его верным домохозяйкам неприменимы однозначные оценки: «Дженни Маркс, Хелена Демут и Марианна Кройц должны рассматриваться как люди, разделявшие свою жизнь с Карлом Марксом и/или Фридрихом Энгельсом. Они не являются “второстепенными персонажами” или подчиненными, а должны восприниматься как независимые, уверенные в себе и самодостаточные личности, которые – при условии достаточно непредвзятого подхода со стороны современных исследователей – могут способствовать получению новых знаний» (*Ibid.* P. 31).

62 СЕРЕБРЯКОВА Г. И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 88.

63 См. историю этой поэтической мифологеми, характерной для буржуазных нравов тех времен, в: ВИНЦКИЙ И. *Переводные картинки*. М.: Рутения, 2022.

ИЛЬЯ ВИНЦКИЙ

КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Илл. 4. Граф Глейхен со своими двумя женами, аристократкой и наложницей (Gotha, Erfurt, 1836).

(не надо лить воду на мельницу идеологических врагов!); привлечением социо-исторического контекста того времени (такими были нормы того общества, которое Маркс и Энгельс стремились разрушить, зная на своем опыте, как оно лживо) – и даже идеологическим оправданием (расширенная семья как модель социалистического уклада, в которой потребности одних добровольно удовлетворяются способностями других членов ячейки).

Наконец, в связи с автореферентным, как мы полагаем, образом революционной «красавицы» из трилогии Серебряковой следует вспомнить сохранившуюся в памяти современников историю, нашедшую отражение в анекдоте Сергея Довлатова, соединяющем тему верности марксистским идеалам с мотивом утраченной красоты, которая, разумеется, дорого стоит:

«Это было после разоблачения культа личности. Из лагерей вернулось множество писателей. В том числе уже немолодая Галина Серебрякова. Ей довелось выступать на одной литературной конференции. По ходу выступления она расстегнула кофту, демонстрируя следы тюремных истязаний. В ответ на что циничный Симон заметил:

– Вот если бы это проделала Ахмадулина...

Впоследствии Серебрякова написала толстую книгу про Маркса. Осталась верна коммунистическим идеалам.

С Ахмадулиной все не так просто»⁶⁴.

В этом контексте привлекает к себе внимание мотив старости революционерки, представленный в романе в грубой реплике взбешенного Бакунина и в рассуждении Серебряковой о потере красоты пятидесятилетней Красоцкой:

«Голова Лизы стала седой, и морщины густой сеткой легли на поседевших веках и лбу. Тяжелые, скорбные линии соединили крылья носа с подбородком. И, как увядший стебель, высохла тонкая шея.

64 Довлатов С. *Записные книжки*. New York: Слово – Word, 1990. С. 53.

С недоумением разглядывала себя в зеркале Лиза. Непоправимое произошло. Так дерево, еще недавно покрывавшееся листвой, стоит оголенное, почерневшее, как бы сожженное временем. Лизе стало не по себе. Она всегда так любила все прекрасное на свете. Собственная старость показалась ей уродливой, отталкивающей. Нелегко принять ее покорно, разумно.

Но перед Лизой чередой прошли воспоминания недавнего прошлого: простреленная голова Варлена с седыми, слипшимися от крови волосами, мертвое сердце Красноцкого, похожее на увядшие бурные листья клена, дроги с гробами коммунаров.

Лизе показалось святотатством, позором огорчаться оттого, что щеки ее стали дряблыми, а глаза запали. Она осталась жива. Для чего? Какую миссию надлежало ей выполнить?

[...] И Лиза почувствовала, что дух ее не сломлен. Ей нечего было бояться того, что так пугает в преклонном возрасте, – одиночества и бесполезного существования. Она была нужна людям и сохранила в огне нетронутой душу. Уверенно и спокойно пошла Лиза дальше по тернистым дорогам жизни, зная, куда и зачем»⁶⁵.

5

Ответом на сакраментальный для поколения Серебряковой вопрос «для чего?» является, как мы полагаем, вся ее трилогия, удачно вписавшаяся в официальный культ русофильствовавших германских отцов коммунистического учения в нормативную хрущевскую политическую этику рубежа 1950-х – начала 1960-х. Миссия русской *femme communiste* заключается в экстагическом отстаивании идеалов единственно верного учения, активной вовлеченности – несмотря ни на что! – в исторический процесс и отказе от ложных романтических эмоций (мечтаный). Ведь, если верить прогнозу нового лидера, выжившие и сохранившие идеалы бойцы (или их дети) доживут до воплощения великой мечты о счастливой бесклассовой семье народов.

Впрочем, можно предложить и иной, более скептический, ответ, близкий к концепции «стокгольмского синдрома», который лег в основу книги Нэнси Адлер о мемуарах узников ГУЛАГа⁶⁶. Беллетризованная биография Маркса, созданная Серебряковой по заказу партии и зову собственного сердца, оказывается, в конечном счете, житием и попыткой самооправдания пламенной русской *красавицы*, принявшей полностью и безоговорочно революционное учение, которое пожирает своих наивных экзальтированных детей⁶⁷, мечтающих о спасении угнетенных

65 СЕРЕБРЯКОВА Г.И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 311–312.

66 ADLER N. *Keeping Faith with the Party Communist Believers Return from the Gulag*. Bloomington: Indiana University Press, 2012.

67 В книге «Смерч» Серебрякова отталкивается от этой цитаты в одном из рассуждений: «“Революция, как бог времени Сатурн, пожирает своих детей”, – вспомнились мне слова Бюхнера о Дантоне. Я была одной из дочерей революции. И мне хотелось отныне только одного – открытого суда. Я ловила себя на том, что,

всего мира с помощью теоретически оправданного и садомазохистски привлекательного классового насилия.

В книге воспоминаний «Смерч» Серебрякова приводит сочиненную арестантами в ее честь тюремную песню на корявом, штампованном, но выразительном русском языке, возникшем после революции и едва ли предвиденном «дядей честных правил» Энгельсом:

Была я стройная, веселая, красивая.
Попалась в руки опасному врагу;
Женой я стала наркома всем известного,
А за него я в тюрьме теперь сижу.
В семье партийной я девочкой родилась.
Отец партийный, партийная и мать,
А мне судьбою так, видно, предназначено,
Чтоб на тюремной постели погибать⁶⁸.

К счастью, в итоге судьба смиростивилась и вернувшаяся из лагеря Серебрякова, купив на гонорары за книги о «живом» Марксе дом в Перedelкине, на улице Лермонтова⁶⁹, продолжила служить партии и советскому обществу своими эстетически консервативными и политически запрограммированными сочинениями, эхо которых докатилось до автора настоящей статьи на заре его безмятежной юности, совпавшей с закатом большого советского семейного мифа.

Илл. 5. Галина Серебрякова в своем доме.

21 августа 2025 года

подобно французкам, героиням моей книги, мысленно готовила речь перед трибуналом. Но что если меня тоже увезут из башни в “черном вороне” и казнят тайно? И я снова жадно перечитывала прощание Андромахи с Гектором, плач Кассандры, сцену смерти Гектора. Эти когда-то казавшиеся мне скучными страницы, которые я произносила теперь по-польски, приобрели для меня новый, героический смысл и вселяли спокойствие» (цит. по: https://memorial.krsk.ru/memuar/S/Serebryakova_G0.htm).

68 Там же.

69 См. историю ее дома – единственного «женского музея» в дачном поселке элитных советских писателей: <https://godliterary.ru/articles/2025/07/10/kak-zhivet-edinstvennyj-zhenskij-muzej-v-peredelkino>.